

МИХАИЛ БАКУНИН И ПЕРВЫЕ АНАРХИСТСКИЕ ИЗДАНИЯ

© 2004 Е.Е. Воронцова

Нижегородский филиал Российской академии образования

Анархизм — это, прежде всего, философское, мировоззренческое, а затем и общественно-политическое направление, существующее уже два века и выдвинувшее целую плеяду ярких теоретиков и практиков, оставивших не только глубокий след в российской и мировой истории, но и находящихся своих последователей в современном мире.

Идея личной свободы и независимости, связанная с безгосударственным и безмонопольным устройством общества, надолго оставила свой след в первомайских праздниках солидарности трудящихся в память о казненных в Чикаго анархистах (Сакко и Ванцетти), в анархистской (Гуляйполевской) республике Н. Махно, чьи повстанческие отряды освобождали Украину и способствовали разгрому армий Деникина и Врангеля, в толстовских мирных коммунах, существовавших в России вплоть до 30-х годов XX в., в анархистской Парижской коммуне, в “Интернационале” анархиста Эжена Потье, в Юрской (анархической) федерации в Швейцарии, в аргентинской организации анархосиндикалистов ФОРА, в итальянской УСИ и испанской НКТ, первыми принявшими на себя удары фашизма. Бунтующая студенческая молодежь 60-х годов, черные знамена “Красного мая”, движения панков, автономистов и антиглобалистов — это тоже анархизм.

Вот почему важно и актуально проследить исторические корни анархизма, в том числе и в России, выявить его идеологические и пропагандистские концепции, снять толстый слой хвалебного и негативно-ярлыкового налета, подобно папье-маше закрывшему суть анархизма, создав его карикатурный муляж.

Литература об анархизме на русском языке составляет свыше 400 книг, брошюр и статей. Львиную долю занимает литературное наследие ведущих русских идеологов анархизма М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина и др. В советской историографии преобладал взгляд на анархизм как

на движение, чуждое пролетариату и марксизму. Исследования историков посвящались в основном борьбе партии большевиков против анархизма [1]. В период либерализации 90-х годов стали появляться более объективные и обстоятельные работы об анархизме и анархистах в России [2].

В этих работах периодическая печать анархистов упоминается лишь как один из исторических источников. Сами анархистские издания непосредственно не изучались. Исследователи называют лишь некоторые из них. Нет достоверных данных о количестве анархистских изданий. С. Н. Канев приводит количество анархистских изданий с 1917 по 1922 гг. (1917 — 21, 1918 — 55, 1919 — 28, 1920 — 8, 1921 — 10, 1922 — 3) [3], но не называет их.

Вместе с тем, ни одно политическое движение не может быть объективно и полно изучено без исследования его периодической печати. Именно в периодике сконцентрированы программные и тактические концепции, агитационные лозунги, пропагандистские цели, отношения к другим партиям, союзам и движениям. Попыткой хотя бы частично восполнить существующий пробел в исследовании периодической печати российских анархистов начала XIX в. и является эта работа.

Анархизм, как и марксизм, был привнесён в Россию из Европы. Прародители его — англичанин Вильям Годвин (1756—1836) и немец Макс Штирнер (Иоганн Каспар Шмидт, 1806—1956). Оба мыслителя попытались обосновать необходимость уничтожения государства и децентрализации общественной жизни и производства. Однако их взгляды на пути достижения главной цели не совпадали.

В. Годвин в книге “Исследования о политической справедливости и ее влияние на всеобщую добродетель и счастье” (1793) исходил из постулата о природной доброте человека, на которую негативно влияют государственные институты, предлагал анархо-коммунистическую програм-

му социальных преобразований, в том числе путем пропаганды.

М. Штирнер в работе “Единственный и его собственность” (1844) во главу угла своих рассуждений поставил личность (Единственный), которую нельзя свести к каким-либо социальным ролям и проявлениям. Он призывал Единственного низвергнуть надличностные фетиши и деспотические учреждения, осознать свои истинные интересы и, соединяясь с другими Единственными, начать борьбу за свое освобождение. При этом Штирнер признает за “восставшей личностью” право на забастовки, экспроприации собственности, на создание свободного “союза эгоистов”.

Так наметились два направления анархистского мировоззрения — коммунистическое, имеющее своей целью построение свободного и справедливого общества, и философски-индивидуалистическое, подчеркивающее уникальность отдельной личности. Различные сочетания этих доктрин и породили впоследствии многочисленные течения в анархистском движении.

Если у Штирнера и Годвина, мало известных широкой публике, анархической идеал носил преимущественно абстрактно-философский характер, то Пьер Жозеф Прудон (1809—1865) развил и популяризировал анархическое мировоззрение, подготовив тем самым целую плеяду теоретиков и практиков анархизма. Выдающегося французского мыслителя по праву называют “отцом анархизма”. Государственной власти, иерархии, централизации, бюрократии и праву он противопоставлял принципы федерализма, децентрализации, взаимности (мутуализма), свободного договора и самоуправления. Чтобы избежать крайностей между правами личности и правами общества, французский анархист рекомендовал разрушить государственную власть и социальную иерархию, заменив их добровольным союзом свободных личностей, общин и местностей [4].

Русский анархист Михаил Александрович Бакунин (1814—1876) развил прудоновские идеи в цельное мировоззрение, превратив его в мощное революционное движение под анархическими лозунгами почти по всей Европе. Он внес в это движение пафос бунта и бескомпромиссной борьбы за освобождение личности и общества. Анализируя проблемы государства и социальной революции в связи с национальными особенностями различных европейских народов, с их историей и культурой, М. А. Бакунин рассматривал славянские народы как среду, стихийно порождающую анархистов.

Позже Н. А. Бердяев скажет: “Россия — самая безгосударственная, самая анархическая

страна в мире... Все подлинно русские, национальные наши писатели, мыслители, публицисты — были все безгосударственниками, своеобразными анархистами. Анархизм — явление русского духа...” [5].

М. А. Бакунин одним из первых революционеров восстал против идеи “диктатуры пролетариата” К. Маркса, утверждая, что это неизбежно приведет к появлению нового класса — “красной бюрократии”. Борьба бакунинцев и марксистов шла не только в генеральном совете Интернационала, но и вылилась на страницы печати. В анархистском журнале “Народное дело”, который издавал в Женеве с 1 сентября 1868 г. М. А. Бакунин вместе с Н. Жуковским, произошел политический раскол. Бакунин вынужден был выйти из состава редакции, а журнал перешел в руки Н. И. Утина, В. Нетова (В. И. Бартенева) и А. Д. Трусова, поддерживавших постоянные отношения с Марксом. Уже с № 2 (3 окт. 1869 г.) новая редакция меняет программу и резко выступает против анархизма. Переслав свою программу Марксу, новые руководители “Народного дела” заявили в своем коллективном письме, что не имеют “абсолютно ничего общего с г. Бакуниным и его немногочисленными сторонниками” [6]. Однако даже новая редакция не смогла преодолеть заманчивости анархистско-народнических идей общинного социализма, привнесенных М. А. Бакуниным, о чем свидетельствует статья “Крестьянская реформа и общинное землевладение” [7].

“Народное дело” в 1870 г. стало органом русской секции I Интернационала. Главной своей задачей журнал ставил поддержку руководимого Марксом генерального совета Интернационала в его борьбе с раскольнической деятельностью Бакунина. Особенно резкой стала критика Бакунина после того, как он поддержал С. Г. Нечаева.

М. А. Бакунин принял участие в издававшемся в Женеве в 1869 г. журнале С. Г. Нечаева “Народная расправа”. Журнал был задуман как орган революционно-заговорщической организации “Народная расправа”, которую Нечаев пытался создать в России осенью 1869 г. В статье “Главные основы социального строя будущего” (№ 2) Нечаев, ссылаясь на “Манифест коммунистической партии”, изложил свои социально-политические воззрения, которые Маркс и Энгельс квалифицировали как образчик “казарменного коммунизма”. Под влиянием Бакунина журнал стал приобретать анархическую направленность, однако прекратил свое существование после выхода второго номера.

Анархическим, федералистским по духу было почти все движение революционного на-

родничества. Один из крупнейших идеологов этого движения П. Л. Лавров, не соглашаясь с бунтарской тактикой Бакунина, довольно активно пропагандировал основные постулаты анархизма. Лавров в 1873–1877 гг. издавал сначала в Цюрихе, а затем в Лондоне журнал “Вперед!”. Всего вышло пять номеров. В 1875–1876 гг. помимо журнала под тем же названием выходила в Лондоне двухнедельная газета (вышло 48 номеров).

В программе “Вперед!” крестьянская община признавалась зародышем, из которого должна развиться в России революция. Революция, по мнению Лаврова, должна привести к уничтожению государства и к замене его федерацией земельных и промышленных товариществ.

Лавров в своих изданиях настойчиво пропагандировал теорию “героев” и “толпы”, утверждая, что “критически мыслящие личности” творят историю, а народ лишь слепо следует за интеллигенцией. Поэтому именно интеллигенция, по Лаврову, должна стать движущей силой в грядущей революции. На идейную подготовку интеллигенции к народному восстанию и были направлены главные пропагандистские усилия “впередовцев”.

Особой популярностью у читателей пользовался отдел “Что делается на родине?”, где помещались острые обличительные материалы.

В борьбе, происходившей между сторонниками Маркса и последователями Бакунина, издания Лаврова заняли примиренческую позицию. Лавров считал, что спор между бакунистами и сторонниками генерального совета Интернационала не имеет принципиального значения и приносит только вред международному революционному движению. Энгельс писал по этому поводу о Лаврове: “По своей философии друг Петр является эклектиком, который старается из самых различных систем и теорий выбрать наилучшее... Он знает, что во всем есть своя хорошая и своя дурная сторона и что хорошую сторону следует усвоить, а дурную отбросить... Человек, который держится таких взглядов, пытается примирить всех... взаимно борющихся людей и серьезно убеждает их не доставлять больше реакции этого скандального зрелища, а нападать исключительно на общего врага” [8]. Энгельс указывал, что принятие точки зрения Лаврова означало бы капитуляцию перед бакунистами и измену делу интернационала.

Надо сказать, что разрыв марксистов с Бакуниным действительно привел к крупному расколу Интернационала. После исключения Бакунина из руководства Интернационала на Гаагском конгрессе 1872 г., большинство секций Интернационала — бельгийская, французская,

английская, испанская, итальянская, голландская, швейцарская и американская — отвергли решения, принятые в Гааге, и отказались подчиняться генеральному совету, поддержавшему Маркса. Многие из этих секций, соединившись, образовали новый, анархический интернационал, просуществовавший до 1879 г. Именно поэтому П. Л. Лавров, несмотря на давление и откровенное “заигрывание” со стороны К. Маркса и Ф. Энгельса [9], не мог принять их сторону.

Вряд ли можно назвать в какой-либо степени марксистскими такие статьи в журнале: “Вперед! Наша программа”, “Счеты русского народа”, “Из истории социальных учений”, “Очерк развития Международной ассоциации рабочих”, “Фикция судебной правды” (№ № 1, 3), “Кому принадлежит будущее”, “Революционеры из привилегированной среды” (№ 2) и др.; в газете: “Новый 1875 год” (№ 1), “Русские либералы и консерваторы” (№ 2), “Рабочий вопрос в России и повсюду” (№ 3), “Политическое безлюдье” (№ 4), “Парижская коммуна” (№ 5), “Почва для социальной революции в России” (№ 27), “Роль народа и роль интеллигенции” (№ 34), “Формы социально-революционной пропаганды” (№ 46) и др. Редакция “Вперед!” высказывалась против политической борьбы в различных ее формах (стачки, демонстрации и т. д.), утверждая, что такие выступления препятствуют ведению мирной социалистической пропаганды, настораживают правительство и этим мешают подготовке революционного взрыва, о котором мечтал Бакунин. Сам М. А. Бакунин после неудачи с “Народным делом” неоднократно, но тщетно пытался наладить издание какого-нибудь журнала. Поэтому подробное изложение своих взглядов на революцию вообще и в России в частности ему пришлось излагать в книгах, брошюрах и прокламациях. Лишь в 1875 г. группе его последователей удалось наладить издание газеты “Работник”. Она выходила в Женеве в 1875–1876 гг. в количестве 15 номеров. В подзаголовке была обозначена аудитория — “Газета для русских рабочих”. “Работник” был рассчитан на малоподготовленных читателей — рабочих, выходцев из крестьянства. Соответственно язык газеты был стилизован под народный, а в самой программе популярно излагались анархистско-бунтарские идеи бакунистов. В редакцию входили последователи Бакунина — Н. И. Жуковский, З. К. Ралли, А. Л. Эльсинец, В. А. Гольдштейн, Н. А. Саблин и представитель петербургского рабочего кружка Н. А. Морозов.

“Мы хотим, — заявляла редакция в первом номере, — по мере сил и возможности познакомить русский рабочий люд с житьем-бытьем и делами рабочих других земель; мы хотим позна-

комить их с тем, что думают другие работники о своем горьком положении и каким средством хотят выйти из него”. Отождествляя фабричных работников с крестьянами, редакция внушала им: “Как у земледельцев, так и у работников городских дел... одно, хотят они одного”. И это общее дело, по мнению редакции “Работника”, заключалось в том, чтобы разрушить государство русское и устроить свой “вольный союз общин”, т. е. “всякое правительство, какое бы оно ни было, всегда будет врагом народным” [10].

Наряду со статьями программного характера в “Работнике” помещалась информация о развитии рабочего движения в Западной Европе, редкие корреспонденции из России, обличающие самодержавие, капиталистов и помещиков, очерки беллетристического характера, предназначенные для революционной пропаганды. Таким был, например, материал “Внушителя схватили”, в котором рассказывалось об аресте полицией пропагандиста [11].

Приступая к изданию “Работника”, редакция обратилась к читателям с призывом сотрудничать в газете: “Найдутся люди в России, — говорилось в обращении, — которые доставят нам всякие сведения и о крестьянстве, и о городских рабочих, и газета наша послужит, может быть, к тому, чтобы русские рабочие сблизились друг с другом и сговорились бы, как добыть волю всему народу русскому” [12]. Однако отклика на этот призыв так и не последовало.

Связь газеты с Россией была довольно слабой, поэтому жизни рабочих в 15 номерах было посвящено лишь 10 небольших материалов. Н. А. Морозов в своих воспоминаниях пишет: “Прежде всего обнаружили полную нашу оторванность от России и отсутствие из нее каких-либо корреспонденций о местной жизни и деятельности, а между тем для журнала это было крайне необходимо. Приходилось писать корреспонденции большей частью по воспоминаниям или рассказам приезжих, здесь же на месте... Не того я ждал от своей новой деятельности! Я ждал, что мы здесь будем писать только руководящие статьи, а факты нам будут доставлять оттуда, из глубины России. А оттуда ничего не было” [13].

Основная тема “Работника” — призыв к сговору и бунту, к восстанию против царя и помещиков. Типична в этом отношении, например, статья “Бунт и реформы”. В ней говорилось: “У нас на Руси крестьяне верят еще в царя. Думают, что этот помещик из помещиков может дать им волю. Пора бы догадаться, что такому делу никогда не бывать, что надо в самих себе искать силы и брать волю с бою. Не реформами, а бунтом добьется русский рабочий люд своей заветной воли... Надо раз навсегда перестать надеять-

ся на царя. Надо сговориться и поднять бунт по всей Руси” [14].

Что последует после бунта, к установлению какого общественного порядка призывала своих читателей редакция? Ответ на эти вопросы дан в статье “Русское государство”: “Голодные не поверят больше никаким благодетелям; они не вдадутся в обман и не заведут нового правительства; не будет меж ними генералов, полковников, атаманов, начальников. Голодные победят сытых, уничтожат их государство и на его развалинах создадут свой вольный союз вольных общин” [15].

Крестьянская тематика преобладала над рабочей. В каждом номере газеты редакция рассказывала о непосильных налогах на крестьян, о правах царских чиновников над ними, о крестьянской и рабочей нищете.

Рассматривая революцию как стихийный взрыв, редакция отрицала необходимость политической борьбы и политических организаций рабочих и крестьян. В международном рабочем движении редакция выделяла деятельность профсоюзных объединений, ремесленных союзов, кооператоров, а отнюдь не марксистского Интернационала. Например, в статье “Сговор” говорилось о том, что западноевропейские рабочие давно поняли, как надо объединяться в товарищества, и между ними идет сговор.

“С каждым годом, — говорилось в статье, — все больше и больше народу сговаривается; тысячи рабочих обществ рассеяны по всем государствам; мало того — рабочие завели свои газеты, в которых они сами обсуждают свои нужды и толкуют о том, как помочь людскому горю, как установить справедливый порядок, как добиться, чтобы всяк, кто здоров, по силам бы работал, да по усталости отдыхал” [16].

Наиболее ярко бакунистские взгляды на будущей общественной строй выражены в статье “Как живет и борется чужеземный рабочий?” [17]. Автор статьи рассказывает о том, что в Швейцарии давно уже установлен республиканский строй и формально власть принадлежит народу. Однако фактически власть сосредоточена в руках богачей, а рабочий человек по-прежнему находится в кабале у богатых. Подытоживая, автор пишет: “Невдомек рабочему человеку, что совсем бы ему порешить пора с властителями да правителями; забрать бы земли да фабрики в общее пользование всех рабочих, да и жить и управляться самому: живет себе деревня, сама правит своими делами и знать не знает никаких властей; так же бы и фабрики или опять заводы; а по надобности деревня с деревней промеж себя договор делает, чем сообща пользоваться будут: дорогу построить, училище или другое что. И чудесно

бы без правителей” [18]. Собственно, в той же Швейцарии открыто действовала созданная Бакуниным Юрская анархическая федерация, ставшая идейным центром бакунистов. С нее-то и “списывала” редакция “Работника” освобожденные от власти деревни и фабрики.

Последние три номера газеты выходили с иллюстрациями. В № 13 помещен такой рисунок: на переднем плане деревенской улицы шагает крестьянин в косоворотке и лаптях, с топором в одной руке, в другой — знамя с надписью “Земля и воля”. За ним идет толпа крестьян, вооруженных косами, кольями и т. п. Подпись под рисунком гласит: “Песня о земле и воле”. В последнем сдвоенном номере (№ 14-15) два рисунка иллюстрируют материал под названием “Раек”. Действительно, редакция широко использовала на страницах газеты рассказы в форме народных сказок и райка, помещала стихи о крестьянской жизни.

Газета “Работник” не получила широкого распространения в России и не смогла зажечь сердца своих читателей — работников — идеями анархистского стихийного бунта.

Позже, в 1878—1879 гг., последователи Бакунина Н. И. Жуковский, З. К. Ралли и приехавшие из России представители тайного общества “Земля и воля” Д. А. Клеменц, П. Б. Аксельрод и С. М. Кравчинский издавали в Женеве социально-революционное обозрение “Община”. Всего вышло девять номеров газеты. В отличие от “Работника”, “Община” предназначалась для революционно настроенной интеллигенции. В ней печатались преимущественно статьи теоретического характера. Учитывая опыт агитации в народе, редакция “Общины” отказалась от веры в ту якобы полную подготовленность русского крестьянства к революции, о которой, по меткому выражению А. И. Герцена, “путая второй месяц беременности с девятым”, любил утверждать Бакунин. Редакция “Общины” нацеливала интеллигенцию на предварительную пропаганду своих идей в народе.

Первая в России народническо-анархистская газета “Начало” выпускалась нелегально в Петербурге с марта по май 1878 г. (вышло 4 номера). В редакцию входили Л. К. Бух и Н. К. Бух, И. А. Головин, А. А. Астафьев, В. В. Луцкий. В первом номере “Начало” имело подзаголовок “Орган русских революционеров”, в остальных номерах — “Орган русских социалистов”.

Уже в редакционной статье первого номера газета заявила, что “русский народ анархичен”, а потому необходимо разрушить государство и создать федерацию — свободный союз свободных общин “без всякой принудительной цент-

ральной власти”. При этом редакция утверждала, что в России нет ни буржуазии, ни пролетариата как самостоятельных классов, и истолковывала задачи борьбы за социалистическое переустройство общества в духе анархистских воззрений Бакунина. Однако четкой программы у редакции “Начала” не было. Наряду с призывами к стихийному бунту и свержению царизма, на страницах газет высказывалась надежда на то, что самодержавие само собой изживет себя и революционерам останется только взять власть в свои руки.

“Начало” рассказывало о положении политических ссыльных, о репрессиях правительства против рабочих, добивавшихся улучшения своей жизни, писало о рабочем движении на Западе. Примечательно, что нелегальная газета вела полемику с легальной печатью либерального толка, в частности с “Голосом” А. А. Краевского.

В целом эмигрантская и нелегальная российская печать бакунинского анархистского направления не имела большого идеологического влияния на становление анархизма в России как самостоятельного общественно-политического течения, она лишь привнесла бунтарско-террористический пафос в народническое движение, которое по своему духу в 1870-е гг. было анархическим, федералистским, антиэтатическим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Канев С. Н. Революция и анархизм: из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма (1840—1917) / С. Н. Канев / — М., 1987; Корноухов Е. М. Борьба партии большевиков против анархизма в России / Е. М. Корноухов / — М., 1981; Хайдакулов М. Из истории борьбы большевистской партии с анархизмом / М. Хайдакулов. — Ташкент, 1984 и др.

2. Ермаков В. Д. Российский анархизм и анархисты (вторая половина XIX—конец XX веков) / В. Д. Ермаков. — СПб., 1996; Штыбул А. А. Анархистское движение в период кризиса российской цивилизации (конец XIX—1-я четверть XX вв.): Уч.-метод. пособие / А. А. Штыбул. — Омск, 1998.

3. Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма / С. Н. Канев. — М., 1974.

4. См. работы П. Ж. Прудона: “Что такое собственность?” (1840), “Система экономических противоречий, или Философия нищеты” (1846), “Исповедь революционера” (1849), “О политической способности рабочих классов” (1865).

5. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. — М., 1918. — ыС.4.

6. Народное дело. Женева, 1870. – № 1.
7. Там же, № 2.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. // Собр. соч. – Т. 15. – С. 231.
9. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. – М., 1951. – С. 209.
10. Козьмин Б. П. Русская журналистика 70-х и 80-х годов XIX века / Б. П. Козьмин. – М., 1948. – С. 25.
11. Там же.
12. Работник. Женева. – 1875. – № 1.
13. Морозов Н. А. Повесть моей жизни / Н. А. Морозов // Собр. соч. – М., 1933. – Т. 2. – С. 179-181.
14. Работник. – 1875. – № 3.
15. Там же, № 5.
16. Там же, № 4.
17. Там же, № 13.
18. Владимирский Н. А. Подготовка и возникновение рабочей печати в России / Н. А. Владимирский. – М., 1948. – С. 17.